

Одиннадцатая речь. Кому достанется осуществление этого плана воспитания

План нового немецкого национального воспитания изложен теперь так, что этого изложения для нашей цели достаточно. И первый напрашивающийся теперь вопрос таков: кто должен встать во главе осуществления этого плана, на кого следует при этом рассчитывать, и на кого рассчитывали мы, составляя свой план?

Мы представили Вам выше это воспитание как высшую и, в настоящее время, единственно насущную задачу немецкой любви к отечеству, и мы хотим, через это связующее звено, впервые произвести в мире опыт исправления и пересоздания всего человеческого рода. А эта любовь к отечеству должна воодушевить, прежде всего, немецкое государство, повсюду, где государства правят немцами, – и председательствовать в его собраниях, и быть побуждающей силой всех его решений. Итак, на государство нам и следовало бы сначала обратить полные ожидания взоры. Исполнит ли оно то, чего мы от него с надеждой ожидаем? И какие ожидания можем мы возлагать на это государство, судя по всем прежним событиям – имея в виду, разумеется, не какое-то особенное государство, но только всю Германию в целом?

В Европе новейшего времени воспитание исходило, собственно, не от государства, а от той власти, от которой государства большей частью получали свою собственную власть, – от небесно-духовного царства церкви. Церковь рассматривала себя не столько как элемент земного общежития, сколько как совершенно ему чуждое небесное насаждение, посланное для того, чтобы повсюду, где оно сможет укорениться, вербовать граждан для этого иностранного государства; и воспитание ее было направлено только на то, чтобы в ином мире люди не подпали проклятию, но получили блаженство. Реформация только соединила эту церковную власть, которая впрочем продолжала думать о себе так же, как и раньше, со светской властью, с которой первая прежде находилась нередко даже в открытом споре; в этом и состояло все различие, произошедшее от этого события в указанном отношении. А потому и воззрения на дело воспитания остались прежними. В новейшее время, и до сегодняшнего дня, образование состоятельных сословий также рассматривалось как частное дело родителей, которые могут устраивать его так, как им это будет угодно, а детей этих сословий учили, как правило, только для того, чтобы впоследствии они могли оказаться полезными для себя самих; единственное же публичное воспитание, воспитание народа, было только воспитанием к небесному блаженству; главное, как считали, состояло в том, чтобы сообщить народу немного христианства и умение читать, а если получится, то и

писать, – и то и другое в видах христианского же воспитания. Все прочее развитие людей предоставлялось на откуп случайному и слепому влиянию общества, в котором они росли, и самой действительной жизни. Даже заведения для воспитания ученых были рассчитаны, по преимуществу, на образование духовных лиц; этому служил основной факультет, а все прочие факультеты были всего лишь приложением к нему, и в большинстве случаев он же уступал этим факультетам и часть своих выпускников.

Пока тем, кто стоял во главе земной власти, была неясна подлинная цель этой власти, и пока лично они сами были охвачены той же самой усердной заботой о своем блаженстве и блаженстве других людей, можно было уверенно положиться на их усердие в этом роде публичного воспитания и на серьезность их трудов и усилий по этой части. Но как только они выяснили для себя эту первую цель, и поняли, что сфера деятельности государства находится в пределах зримого мира, им должно было стать с очевидностью ясно и то, что они не могут отныне обременять себя этими заботами о вечном блаженстве их подданных, и что тот, кто хочет получить блаженство, пусть сам и беспокоится о том, как того добиться. Отныне они полагали, что делают вполне достаточно, если только предоставляют учреждения и заведения, возникшие во времена более благочестивые, их первоначальному предназначению; как бы неуместны и недостаточны ни были эти заведения в новую и совершенно переменившуюся пору, они не считали себя обязанными по собственному почину увеличивать им содержание, экономя на других своих целях, не считали себя вправе деятельно вмешаться и учредить на место негодного старого новое и целесообразное, и на все предложения подобного рода у них всегда был готов один ответ: на это у государства нет денег. Если из этого правила когда-нибудь и делали исключение, то только в пользу высших училищ, блистающих известностью на целый свет и приносящих особую славу своим меценатам; образование же класса, составляющего поистине почву всего рода человеческого, из которой непрестанно получает восполнение высшее образование и на которую оно всегда должно в свою очередь воздействовать, – образование народа, – оставалось в пренебрежении, и со времен Реформации до настоящего времени оно пребывает в состоянии все более глубокого упадка.

Если же в будущем, и даже прямо сейчас, мы хотим надеяться на что-то большее от государства для осуществления нашего плана, то для этого необходимо, чтобы то основное понятие о цели воспитания, которое, похоже, было свойственно до сих пор государству, сменилось у него совершенно иным понятием; чтобы государство сумело понять, что, отказываясь прежде заботиться о вечном блаженстве своих сограждан, оно было совершенно право, потому что для этого блаженства и не нужно какое-то особое образование, а такая школа питомцев для неба, какова церковь, власть которой была в конце концов ему передана, вовсе не существует, стоит поперек дороги всякому дельному образованию и должна быть уволена со службы в отставку; но что образование очень и очень нужно для жизни и для земных дел, и что за основательным воспитанием для этой жизни на земле само собою последует образование для небесной жизни, как легкое дополнение этого первого образования. До сих пор, похоже, чем более просвещенным считало себя государство, тем тверже оно веровало в то, что может достичь своей настоящей цели и без всякой религии и нравственности своих граждан, одними только принудительными мерами, и что в отношении религии и нравственности граждане могут держаться любых мнений, какие им будет угодно принять. Пусть опыт новейшего времени

научит государство по крайней мере хоть тому, что таким путем оно своей цели достичь не может, и что именно из-за недостатка религии и нравственности оно пришло в такое положение, в каком ныне находится.

А что касается его сомнений в том, способно ли будет оно покрывать издержки на национальное воспитание, то пусть удастся нам убедить его, что эта одна статья расхода позволит ему экономичнейшим образом производить большую часть остальных его расходов, и что, если оно возьмет на себя эти одни только эти издержки, в скором времени у него останется только эта одна статья основных расходов. До сих пор самая большая часть доходов государства использовалась на содержание постоянного войска. Результаты такого использования мы видели сами, и этого достаточно; вдаваться здесь подробнее в особенные причины подобных результатов такого устройства войска не входит в план наших речей. А если бы государство ввело повсюду предлагаемое нами национальное воспитание, оно, с того самого момента, когда одно поколение подрастающего юношества прошло бы школу этого воспитания, не нуждалось бы вовсе в особенном войске, – но в этих юношах оно располагало бы войском, какого не видала еще ни одна эпоха истории. Каждый человек обладает в нем совершенством навыка в любом возможном употреблении своей физической силы и сразу же понимает, что должен делать, каждый приучен выносить любое напряжение и любые тяготы жизни, его дух, выросший в непосредственном созерцании, всегда бодр и собран, в его душе живет любовь к тому целому, которого он является членом, к государству и отечеству, и уничтожает любое другое эгоистическое душевное побуждение. Государство может, когда пожелает, позвать их и поставить под ружье, и может быть уверено, что их не одолеет никакой враг. Другая часть расходов, в государствах с мудрым правительством, шла до сих пор на улучшения в государственном хозяйстве, в самом широком смысле слова и во всех его отраслях, и в этом, из-за непонятливости и беспомощности низших сословий, немалые издержки и попечения оказывались напрасными, и повсюду это дело двигалось вперед лишь весьма незначительно. Благодаря нашему воспитанию государство получает трудящиеся сословия, с юных лет привыкшие обдумывать то дело, которым они заняты, а кроме того, способные и наклонные уже и сами во всем помогать сами себе; если только государство окажется еще, сверх того, в состоянии уместными мерами оказать им поддержку, то они поймут его с полуслова и с великой благодарностью воспримут его поучения. В недолгом времени все отрасли хозяйства достигнут процветания, какого не видала еще ни одна эпоха истории, и государству, – если только оно пожелает произвести расчеты, и если до тех пор оно еще, кроме того, имело случай узнать истинную основную ценность вещей, – первые издержки принесут тысячекратные проценты. До сих пор государству приходилось делать немало для судебных и полицейских заведений, и однако оно никак не могло научиться тратить на них достаточно; каторги и исправительные учреждения вводили его в большие расходы, и наконец, заведения для бедноты требовали тем больших издержек, чем больше на них расходовали, и при всем прежнем положении вещей оказывались собственно заведениями, бедняков умножающими. В государстве же, в котором новое воспитание станет всеобщим, заведений первого рода станет намного меньше, а последние исчезнут вовсе. Дисциплина, к которой приучают с ранних лет, избавляет от необходимости применять впоследствии весьма сомнительные меры дисциплины и исправления; бедных же в народе, воспитанном подобным образом, не существует совсем.

Пусть государство и все те, кто дает ему советы, решится пристально взглянуть на свое действительное положение в наше время и признаться в этом положении себе самому; пусть оно живо постигнет, что у него не осталось более решительно никакой другой сферы деятельности, в которой бы оно могло двигаться и что-то решать как подобает действительному государству – изначально и самостоятельно, – кроме только этой сферы – воспитания будущих поколений; что если оно не желает совершенно бездействовать, оно может делать только это; но что и эту заслугу мы в полной мере признаем за ним, насколько ему в том не завидуя! Что мы уже не в силах оказывать деятельное сопротивление, – это мы предполагали уже и прежде, как нечто для всех очевидное и всеми признанное. Как же мы можем оправдать наше лишившееся оттого всякого смысла существование от упреков в трусости и недостойном жизнелюбии?

Никак иначе не сумеем мы оправдаться, как если решимся жить отныне не для себя самих, и докажем делом эту свою решимость; если сделаемся зерном посева для более достойного потомства, и только ради этого потомства пожелаем сохранить себе жизнь до тех пор, пока выведем в свет это потомство. Что же еще можем мы сделать, утратив ту первую цель своей жизни? Другие напишут за нас наши конституции, другие укажут нам, с кем заключать нам союзы и как применять наши вооруженные силы, другие ссудят нам на время и свод законов, нас даже лишат порой и права вершить суд, выносить приговор и приводить его в исполнение; от всех этих забот мы на ближайшее будущее будем совершенно избавлены. Не подумали они только о воспитании; если мы ищем, чем нам заняться, то давайте займемся этим! Следует ожидать, что заниматься этим нам не помешают. Я надеюсь, – быть может, я заблуждаюсь даже и в этой надежде, но, поскольку я еще могу жить лишь ради этой надежды, то и не могу оставить эту надежду, – я надеюсь, что смогу убедить некоторых немцев и помочь им понять, что одно только воспитание может спасти нас от всех тех бедствий, что тяготеют над нами. Я рассчитываю в особенности на то, что общая беда сделала нас более склонными к наблюдательности и к серьезному размышлению. У заграницы иное утешение и иные средства; не приходится ожидать, чтобы она уделила какое-то внимание или хоть несколько поверила этой мысли, если бы когда-нибудь эта мысль могла прийти ей на ум; более того, я надеюсь, что эта мысль станет тогда лишь богатым источником шуток и потехи для читателей заграничных журналов, если они услышат когда-нибудь, что кто-то ожидает от воспитания столь важных последствий.

Пусть государство и те, кто дает ему советы, не замедлят приняться за решение этой задачи, полагая, что мы еще очень далеки от желанного успеха. Если мы захотим отделить, среди многочисленных и весьма запутанных причин нашей теперешней участи, то, что единственно и поистине составляет долг правительств, то мы найдем, что эти правительства, которые более всех других обязаны вглядываться в будущее и господствовать над ним, под натиском великих событий нашего времени всякий раз пытались только выбраться, как умели, из непосредственного насущного затруднения; а в отношении будущего рассчитывали не на свое настоящее, а на какой-нибудь счастливый случай, который как бы разрубит непрерывную цепь причин и следствий. Но подобные надежды всегда обманчивы. Побудительная сила, которую мы однажды внедрили в свою эпоху, продолжает действовать, и свершает свой путь, и если однажды мы допустим оплошность, то ее запоздалое осознание уже не поможет отменить ее последствий. От первой возможности – думать только о настоящем – судьба нас, на первое время по крайней

мере, избавила; настоящее принадлежит нам. Пусть же не останется в нас отныне и второго, пусть не станем мы ожидать себе лучшего будущего от чего-то, кроме нас самих. Хотя никого из нас, кому для жизни нужно еще что-то кроме пропитания, наше настоящее не может утешить и утвердить нас в обязанности жить; лишь надежда на лучшее будущее есть тот воздух, которым мы еще можем дышать. Но только пустой мечтатель может основать эту надежду на чем-то ином, кроме того, что сам он может вложить в настоящее, чтобы из него и развилось будущее. Пусть те, кто правит нами, позволят нам думать о них так же хорошо, как думаем мы в своем кругу друг о друге, и какими чувствуют себя лучшие люди; пусть они встанут во главе этого, вполне ясного и нам, дела будущего, чтобы мы еще своими глазами увидели, как возникнет то, что сотрет некогда из нашей памяти тот позор, что был причинен на наших глазах самому имени немца!

Если государство возьмется за решение предлагаемой ему задачи, то оно сделает это воспитание всеобщим, на всей его территории, для всякого рождающегося в нем гражданина без всякого исключения; и только для этой всеобщности воспитания нам и нужно государство, ибо для того, чтобы предпринять то тут, то там, отдельные опыты и начальные шаги к такому воспитанию, достаточно будет, по-видимому, и силы благонамеренных частных лиц. Не следует, впрочем, ожидать, что родители всегда будут готовы расстаться со своими детьми и вверить их этому новому воспитанию, о котором им непросто будет внушить какое-нибудь определенное понятие; но, как показывает прежний опыт, нужно быть готовым, скорее, к тому, что каждый, кто считает свое состояние достаточным для того, чтобы прокормить своих детей у себя дома, будет противиться публичному воспитанию, и особенно столь резко отделяющему детей от родителей и столь продолжительному воспитанию. В подобных случаях, когда приходится ожидать неповиновения, мы до сих пор видим обыкновенно, что государственные мужи отклоняют такое предложение, и отвечают, что применить силу для этой цели государство не имеет права. И вот потому, что они желают подождать, пока все люди вообще обнаружат к тому добрую волю, а без воспитания всеобщая добрая воля никак возникнуть не может, это самое ожидание послужит им защитой от любых улучшений, и они могут надеяться, что все останется как было до конца времен. Если говорят это такие люди, которые или вообще считают воспитание некой ненужной роскошью, в отношении которой следует вести дела с возможно большей бережливостью, или же усматривают в нашем предложении только новый рискованный опыт исправления человечества, который может удался, а может и не удался, – их добросовестность заслуживает всяческих похвал. От таких же людей, которых охватывает восхищение при виде прежнего состояния публичного образования, и восторг от сознания, до каких высот совершенства поднялось это образование под их руководством, и подавно никак нельзя требовать, чтобы они обратили свой взгляд на что-то такое, чего они и прежде не знали бы; со всеми таким людьми ничего невозможно сделать для нашей цели, и было бы очень жаль, если бы именно им досталось принимать решение об этом деле. Но пусть найдутся, и пусть будут призваны на совет об этом вопросе, государственные мужи, которые, прежде всего, воспитали себя сами глубоким и основательным изучением философии и науки вообще, которые с полной серьезностью относятся к своему занятию, которые составили себе твердые понятия о человеке и его назначении, которые способны понимать настоящее и постигать, что, собственно, настоятельно необходимо ныне человечеству; если бы эти люди и сами постигли на основе упомянутых мною предварительных понятий, что одно только воспитание может спасти нас от неудержимо

надвигающегося на нас варварства и одичания, если бы предносился им образ нового поколения людей, какое возникло бы в школе этого воспитания, если бы сами они были искренне убеждены в непогрешимости и верности предложенных здесь мною средств: то от них мы могли бы ожидать и понимания того, что государство, как верховный распорядитель человеческих дел, и как опекун несовершеннолетних, дающий ответ за них только перед Богом и перед своей совестью, имеет полное право даже и принуждать этих несовершеннолетних для собственной их пользы. Где в наше время такое государство, которое сомневалось бы в том, имеет ли оно право принудить своих подданных нести военную службу, а для этой цели забрать детей у их родителей, желают ли того родители, или дети, или и те и другие вместе, или же нет? И однако это принуждение, заставляющее детей избрать против собственной воли и надолго некий образ жизни, гораздо сомнительнее первого, и имеет часто самые вредные последствия для нравственного состояния, для здоровья и жизни принуждаемых; а то принуждение, о котором мы ведем речь, возвращает человеку по завершении воспитания всю полноту личной свободы, и может иметь только самые благотворные последствия. Правда, прежде и несение военной службы предоставляли свободной воле человека; но когда оказалось, что для поставленной цели этой свободной воли недостаточно, не колеблясь решено было помочь делу принуждением; потому что самое это дело было достаточно важно для нас, и крайность положения требовала прибегнуть к принуждению. Пусть же и в этом отношении у нас откроются глаза, чтобы увидели мы нашу крайнюю нужду, и пусть этот предмет станет столь же важен для нас. тогда и эти колебания исчезнут сами собою; потому что ведь это воспитание, – тем более что и принуждение понадобится нам только в этом первом поколении, а в следующих поколениях, которые сами прошли уже школу этого воспитания, оно станет излишним, – отменяет и надобность в принуждении к военной службе, ибо все его воспитанники будут равно готовы защищать отечество с оружием в руках. Если же пожелают, для того чтобы поначалу не слишком много было крика, ограничить это принуждение к публичному национальному воспитанию таким же точно образом, как ограничивали до сих пор принуждение к военной службе, и сделать исключение для сословий, освобожденных от военной службы, также и в этом отношении, то сколько-нибудь значительного вреда от этого не последует. Благоразумные родители в сословиях, освобожденных от этого воспитания, добровольно передадут своих детей в ведение этого воспитания; пусть даже, немногочисленные сравнительно с целым, дети неблагоразумных детей из этих сословий подрастают по-прежнему и доживут до лучшей эпохи, которую оно должно создать, – они сгодятся в ней только на то, чтобы служить диковинным воспоминанием о прежнем времени и дать новому времени живое сознание того, насколько оно его счастливее.

И если это воспитание должно быть национальным воспитанием немцев вообще, если огромное большинство всех говорящих на немецком языке, а не отнюдь не только граждане того или иного особенного немецкого государства, должно явиться перед нами, как новое племя людей, то к решению этой задачи должны приступить все немецкие государства, каждое само по себе и независимо от всех прочих. Язык, на котором впервые была высказана самая мысль об этой задаче, на котором составлены и будут составляться в дальнейшем подспорья для ее решения, на котором практикуются учителя для нее, и проходящий через все это единый символический метод, – все это у всех немцев общее. Я с трудом могу даже представить, как, с помощью каких перемен, все эти средства

образования вместе взятые, особенно же в той обширности, какую мы придали нашему плану образования, можно было бы перевести на какой бы то ни было заграничный язык, так, чтобы и тогда они показались за границе не какой-то чужой и переводной вещью, но своим родным сочинением, возникающим из собственной жизни ее же языка. Но для немцев – для всех в равной мере – этой трудности не существует; для них это дело готовое, и им стоит только приняться за его исполнение.

И благо нам при этом, что еще есть различные и отделенные друг от друга немецкие государства! То, что так часто бывало для нас неблагоприятно, в этом важном деле нации послужит, быть может, даже к нашей выгоде. Быть может, ревность многих к подражанию и стремление опередить других сделают то, чего не могло бы создать спокойное самодовольство одного; ибо ясно, что то из немецких государств, которое положит начало в этом деле, приобретет преимущественную благодарность, любовь, уважение целого, что оно явится тогда высшим благодетелем и подлинным основателем немецкой нации. Оно придаст смелости всем остальным, даст им поучительный пример, и станет образцом для них; оно устранил колебания и сомнения, которые удерживают других; из его недр появятся учебники, и первые учителя этого воспитания, и оно предоставит их взаймы всем другим; и кто вторым пойдет по его стопам, тот будет вторым в славе. В утешительное для всех нас свидетельство того, что чуткость к высшим началам среди немцев никогда еще не умирала вполне, многие немецкие племена и государства доныне оспаривали друг у друга славу обладания большей образованностью; одни указывали у себя на более обширную свободу печати, свободу стать выше установившихся мнений, другие – на лучшее устройство у них школ и университетов, третьи – на прежнюю свою славу и заслуги, четвертые – на что-нибудь еще, и решить этот спор не было никакой возможности. Благодаря тому, о чем мы говорим теперь, этот спор решится окончательно. Только то образование, которое стремится и осмеливается сделаться всеобщим и охватить всех людей без различия, только оно есть действительный элемент жизни и уверено в самом себе. Всякое же другое есть лишь чуждая прибавка, которую одевают лишь для большей пышности костюма, и которую не могут даже носить со вполне спокойною совестью. При этом случае непременно выяснится, где образованность, которой так хвалятся, присуща лишь немногим людям среднего сословия, излагающих эту свою образованность в сочинениях – а такие люди найдутся во всех немецких государствах; а где эта образованность достигла и высших сословий, служащих государству своими советами. Тогда мы увидим также, как нам следует расценивать проявляемое государствами там и тут усердие к учреждению и процветанию высших училищ, и побуждала ли их к этому усердию чистая любовь к образованию людей, которая ведь принялась бы в таком случае с равным усердием за всякую отрасль этого образованию и особенно за самую первооснову его, или же только жажда блеска, а может быть, и убогие финансовые спекуляции.

Какое из немецких государств первым осуществит это предложение, то государство приобретет этим наибольшую славу, сказал я сейчас. Но, далее, это немецкое государство недолго останется в одиночестве, – вскоре, без всякого сомнения, оно найдет себе последователей и подражателей. Главное – только положить начало. Если не что-нибудь другое, то чувство чести, ревность к сопернику, жажда заполучить и себе то, что есть у другого, и если возможно, получить еще и лучшее того, побудят государства, одно за другим, последовать этому примеру. А тогда станет еще очевиднее, подтвердившись в

живом созерцании, и истина изложенных нами выше соображений о выгоде государства, которые теперь, может быть, представляются иным сомнительными.

Если бы мы могли ожидать, что немедленно с этой же минуты все немецкие государства примут серьезные меры для осуществления этого плана, то уже через двадцать пять лет могло бы явиться перед нами то лучшее поколение людей, которое нам теперь нужно, и тот, кто мог бы надеяться дожить до той поры, мог бы надеяться также увидеть его своими глазами.

Но если, – а мы ведь должны, разумеется, принять к сведению и такую возможность, – если из всех существующих ныне немецких государств нет ни одного, среди высших советников которого нашелся бы человек, способный понять все предшествующее и всей душой проникнуться этим познанием, и в котором бы большинство его советников, по крайней мере, не воспротивилась бы воле этого одного, – то, конечно, исполнение этого дела досталось бы на долю благонамеренным частным лицам, и тогда нужно было бы желать, чтобы они положили начало введению предложенного мною нового воспитания. При этом мы имеем в виду прежде всего крупных помещиков, которые могли бы учредить в своих поместьях подобного рода воспитательные учреждения для детей своих подданных. Славу и весьма почтенное отличие Германии среди всех прочих наций новейшей Европы составляет то, что в ней, в названном только что сословии, всегда и всюду было немало таких людей, которые всерьез предавались заботам об обучении и образовании детей из своих имений и которые рады были сделать для этого все лучшее, что могли. Нужно надеяться, что они и теперь обнаружат склонность научиться излагаемому пред ними совершенству и столь же охотно делать великие и радикальные дела, с какой делали они до сих пор дела малые и неполные. Правда, этому порой содействует, возможно, понимание того, что им же самым выгоднее иметь образованных подданных, нежели необразованных. А там, где государство, уничтожив самое состояние подданства, лишило их этого последнего побуждения, – там пусть оно тем настоятельнее ощутит свой безусловный долг, и не уничтожит вместе с тем того единственного блага, которое в мнении благомыслящих людей связано было с этим состоянием, и пусть оно в этом случае не преминет сделать то, что и так уже составляет его неперемennую обязанность, после того как оно уволило от исполнения этого дела тех, кто прежде исполнял его добровольно вместо него. Далее, в городах мы устремляем свои взоры на добровольные объединения благонамеренных граждан, имеющие в виду достижение этой цели. Насколько можно видеть ныне, душевная склонность благотворить, при всех тяготах нужды, все еще не угасла в немецкой душе. Однако, из-за целого ряда недостатков в наших учреждениях, которые можно охватить одним общим именем запущенного воспитания, эта благотворительность лишь очень редко действительно помогает одолеть нужду, а часто, кажется, лишь умножает ее. Пусть же эта замечательная склонность обратится наконец по преимуществу к такому доброду делу, которое покончит со всякой нуждой и со всякой потребностью в благотворительности на будущее время – доброду делу воспитания. Но нам нужно еще, и мы на него рассчитываем, благодеяние и пожертвование иного рода, заключающееся не в подаении, но в действии и созидании. Пусть будущие ученые, которым позволяет их положение, посвятят то время, что остается у них между университетом и поступлением в государственную должность, тому, чтобы научиться в этих заведениях указанному нами способу преподавания и самим преподавать в них! Помимо того, что это будет немалой заслугой перед всем обществом,

можно заверить их еще и в том, что сами они получают от этого величайшую пользу. Все знания, которые они нередко выносят из обычного университетского курса, как мертвый багаж, приобретут в той стихии всеобщего созерцания, в которую они вступят здесь, ясность и живость, они научатся умело передавать и применять их, они приобретут для себя целую сокровищницу истинного знания людей, которое одно достойно этого имени, – ведь в ребенке мы видим перед собою всю полноту открытой и невинной человечности, – они получают урок великого искусства жизни и деятельности, для которого высшая школа, как правило, не дает никаких наставлений.

Если государство пройдет мимо предлагаемой ему задачи, тем более славы частным лицам, которые возьмутся за ее решение. Мы далеки от желания предвосхищать будущее беспочвенными предположениями или сами задавать тон сомнению и неуверенности; чего мы прежде всего желали бы, мы высказали достаточно внятно. Да будет нам позволено сделать лишь одно замечание: что, если бы действительно случилось так, что государство и князя предоставили это дело частным лицам, то это было бы в совершенном согласии с прежним ходом немецкого развития и образования, как мы уже описали его выше и доказали на примерах, и тогда это развитие шло бы так же точно до самого конца. Государство и в этом случае последует, в свое время, их примеру, поначалу как человек, который просто хочет сделать приходящийся на его долю вклад в общее дело, пока впоследствии оно не сообразит наконец, что оно вовсе не часть, а целое, и что заботиться о нуждах целого оно не только обязано, но и вправе. С этой минуты отпадает надобность в каких-либо самостоятельных усилиях частных лиц, и эти усилия подчиняются общему плану государства.

Если дело примет такой оборот, то предполагаемое нами исправление человеческого рода двинется вперед, пусть и медленно, и не имея возможности уверенно и твердо обозреть и точно предсказывать ход целого. Но пусть эти оговорки не помешают нам смело положить начало этому движению! Дело это по самой своей природе не может погибнуть совершенно, но будучи раз начато, станет жить отныне собственной жизнью, и распространяться все дальше и дальше. Каждый человек, прошедший школу этого образования, будет свидетелем в его пользу и усердным его распространителем; каждый получит свою награду за усвоенное им учение, сам становясь учителем и обучая столько учеников – которые и сами будут некогда учителями – сколько в его силах. И так необходимо продолжается до тех самых пор, пока новое воспитание не охватит все целое, без всякого исключения.

В случае, если государство за это дело не возьмется, частным предпринимателям нужно опасаться того, что все хоть сколько-нибудь состоятельные родители не станут отдавать этому воспитанию своих детей. Обратитесь тогда, во имя Бога, и с полной верой, к бедным сиротам, к нищим, лежащим на дорогах, ко всем тем, кого взрослое человечество изгнало, оттолкнуло и не удостоило своего внимания! Как прежде, особенно в тех немецких государствах, где благочестие предков весьма умножило публичные воспитательные заведения и щедро наделило их всем необходимым, многие родители давали своим детям образование, потому что с образованием, как ни в каком другом ремесле, они всегда нашли бы себе средства к жизни, – так давайте теперь, но только поневоле, поступим наоборот, и дадим хлеб тем, кому никто другой не даст хлеба, чтобы вместе с хлебом они усвоили себе и образование духа. Да не испугаемся мы того, что нищета и одичание их прежнего состояния

станет помехой исполнению нашего замысла! Давайте только вдруг и совершенно вырвем их из этого прежнего состояния и введем их в совершенно новый мир, давайте не оставим в них ничего такого, что могло бы напоминать им о прежних днях; тогда они забудут сами себя и явятся пред нами новыми, только что созданными существами. А в том, что на этих свежих и чистых досках мы станем вырезать только добрые слова, нам будет порукой наш метод обучения и внутренний порядок нашего заведения. И будет весомым свидетельством о нашем времени и предостережением для всех последующих эпох, если именно тем, кого наше время изгнало из своей среды, одно лишь это их изгнанничество даст привилегию начать собою поколение новых, лучших людей; если эти люди принесут спасительное образование детям тех, кто не желал даже жить с ними рядом, и станут предками наших будущих героев, мудрецов, законодателей, спасителей человечества.

Для первого учреждения такого заведения требуются, прежде всего, пригодные к делу учителя и воспитатели. Таких учителей подготовила школа Песталоцци, и всегда готова образовать их еще больше. Поначалу главное внимание придется обращать на то, чтобы каждое заведение подобного рода рассматривало себя в то же время как питомник для учителей, и чтобы кроме уже выучившихся учителей вокруг них собиралось известное число молодых людей, которые одновременно и учатся преподаванию и преподают сами, и в действительном исполнении научаются делать это все лучше и лучше. Это весьма облегчит также содержание самих учителей, даже если поначалу этим заведениям придется бороться со скудостью средств. Ведь большинство этих молодых людей пришли сюда затем, чтобы научиться сами; а за это пусть какое-то время они, без всякого дальнейшего вознаграждения, применяют то, чему научились, в пользу того заведения, где они этому научились.

Кроме того, заведению нужна будет крыша над головой, первоначальное обустройство и достаточный участок земли. Что по мере дальнейшего развития таких учреждений, когда в них будет находиться сравнительно большое число уже подрастающих юношей в том возрасте, когда, как было заведено до сих пор, они получали не только содержание, но и годовое жалование, как посыльные, они станут передавать эти свои заработки юношам более нежного возраста, и что при том трудолюбии и мудром ведении хозяйства, которое и так уже будет нужно этим новым заведениям, эти заведения смогут, по большей части, содержать себя сами, – это, мне кажется, очевидно. А теперь, поначалу, пока еще не появились в них питомцы первого рода, им потребуются значительные субсидии. Нужно надеяться, что люди с большей охотой согласятся помочь, видя плоды своей помощи.

Да не будет у нас места бережливости, если она вредит цели нашего дела; и чем позволять себе быть в этом смысле бережливыми, нам гораздо лучше будет вовсе ничего не делать.

А потому я убежден, что, будь у нас только добрая воля, осуществление этого плана не представит никакой трудности, которую бы не могли без труда одолеть объединенные труды многих людей и устремление сил всех этих людей к этой единой цели.